

АКСИОЛОГИЯ: ЦЕННОСТИ И СВЯТЫНИ

А.Н. Ильин

ИНДИВИДУАЛИЗМ – ЦЕННОСТЬ, КУЛЬТИВИРУЕМАЯ КУЛЬТУРОЙ ПОТРЕБЛЕНИЯ

Аннотация. В статье подвергается критическому осмыслению индивидуализм как основная ценность, тиражируемая культурой потребления. Анализируется связь между ростом индивидуалистических установок и снижением нравственных ценностей. Индивидуализм рассматривается в качестве основного фактора социальной атомизации и деконсолидации. Доказывается следующая гипотеза: 1) благодаря индивидуализму в обществе происходит утрата семейных ценностей, солидарности, патриотизма, интереса к политике и надиндивидуальным общественно значимым проблемам, 2) индивидуализация сопряжена с замещением интереса к серьезным социальным проблемам интересом к личному благу. Теоретическими и методологическими основами исследования являются современные работы отечественных авторов в области социокультурного и культур-философского подходов. Индивидуализм является основной ценностью потребительской культуры. Рост индивидуалистических практик оказывает деструктивное влияние на индивидуальное и социальное бытие. Культуру потребления нельзя считать состоятельным и нравственно здоровым типом культуры. Автор также касается проблематики диалектики индивидуального и коллективного в культуре и постулирует принцип единства личного и социального.

Ключевые слова: культура потребления, индивидуализм, нравственность, деконсолидация, атомизация, общество потребления, ценность, коллективизм, индивидуализация, свобода.

Review. In his article Ilyin critically re-evaluates individualism as the main value advertised by consumer culture. The researcher analyzes the connection between the growth of individualistic attitudes and the decline of moral values. Individualism is being viewed as the main factor of social atomization and deconsolidation. The following hypothesis is being proved: 1) individualism leads to the loss of family values, solidarity, patriotism, interest towards politics and socially important issues that stand above an individual; 2) individuation is associated with the substitution of serious social issues with personal interest. The theoretical and methodological basis of the research involves recent researches of Russian scientists working in the sphere of socio-cultural and cultural-philosophical approaches. Individualism is the main value of consumer culture. According to the author, the growth of individualistic practices has a destructive influence on personal and social existence. Consumer culture cannot be considered to be an affluent or morally healthy type of culture. The author of the article also touches upon the problems of the dialectics of the individual and collective in culture and postulates the principle of unity between the personal and the social.

Keywords: consumer culture, individualism, good morals, deconsolidation, atomization, consumer society, value, collectivism, individuation, freedom.

Сегодня потребительская культура стала актуальной проблемой ряда социогуманитарных наук. Вопросами консьюмеризма занимаются философы, социологи, культурологи, психологи, экологи, педагоги, акмеологи и т.д. Однако потребительские тренды, характерные для нашего общества, вызывают крайне неоднозначную оценку в среде ученых. Одни описывают консьюмеризм в изобличающе-алармистском стиле. Другим свойственно оправдывать это яв-

ление и давать ему сугубо положительные оценки. Возникает вопрос: какая система описания и оценивания потребкульты является наиболее приемлемой и обоснованной именно с научной точки зрения? Обращаясь к теме ценностных ориентаций, тиражируемых консьюмеризмом, следует сказать, что оправдательный приговор культуре потребления едва ли будет уместным.

В наше время господствует целая медиа-индустрия, пропагандирующая потребление, кото-

рому обычно в исследовательской среде приписываются характеристики: циничное, антигуманное, антиинтеллектуальное и бездуховное. Гуманистические мечты (проекты общечеловеческого уровня) заменяются мечтой местечковой, локальной, индивидуальной и меркантильной. Спектр интересов ограничивается пределами себя-любимого. Потребкульт подчеркнутым индивидуализмом отшел коллективистским, национально-патриотическим ценностям маргинальное место. Пропаганда потребительских ценностей буквально экспансировала поле масс-медиа. Как заметил Б.В. Марков, устойчивость и порядок современного общества «определяют не истина и мораль, а средства массовой информации»¹; только для объяснения справедливости противопоставления истины и СМИ или морали и СМИ надлежит уточнить, что масс-медиа свое содержание едва ли ориентирует на истину и мораль.

Для саморазвития, для становления интеллектуально, эстетически и нравственной личности требуются значительные волевые усилия, постоянное (а не единожды совершенное) напряжение сил, перманентное самопреодоление. Не каждый готов к такому самонапряжению, к осуществлению сложного труда по саморазвитию. Людей, достигших интеллектуально-нравственных высот, было меньшинство в условиях любой цивилизации. Однако современные условия еще меньше способствуют появлению таких людей, поскольку буквально вся цивилизационная инфраструктура (СМИ, реклама и т.д.) пронизывают себя антивоспитательным потенциалом потребительской культуры, и потому еще в большей степени замещает мотивацию к саморазвитию совершенно иными (даже противоположными) ценностями. Эта инфраструктура вместо формирования предпосылок для появления у человека воли к самосовершенствованию формирует предпосылки для превращения Человека в индивидуалистичного и бездуховного homo consumer. *Высокий уровень духовности – трудное бремя, особенно в условиях рыночно-потребительских ценностей. Но именно это бремя делает человека Человеком.*

Рецептура правильной с точки зрения потребкультуры жизни предполагает материальный успех, карьерный рост, достижение высокого социального статуса и прочие исключительно «ин-

дивидуальные» завоевания. Морально-этические ценности не предусматриваются в качестве критериев оценки жизни. Индивидуализм не приемлет понятий социальной справедливости, долга и ответственности. Согласно Ф. Фукуяме, «в современных обществах степень свободы выбора для индивидов чрезвычайно возросла, в то время как узы, связывающие их с системой социальных обязательств, заметно ослабли... Принудительные связи и обязательства, основанные на унаследованной принадлежности к социальному классу, религии, полу, расе, национальности и т.д., заменяются связями, принимаемыми добровольно... Индивидуализм, фундаментальная ценность современного общества, незаметно начинает переходить от гордой самостоятельности свободных людей в род замкнутого эгоизма, для которого целью становится максимизация персональной свободы без оглядки на ответственность перед другими людьми»².

Нормативный релятивизм весьма характерен для общества потребления, капиталистический уклад которого навязывает индивидуализм и дух конкуренции, атомизирующий, разъединяющий, а не объединяющий на совместные действия, подталкивающий к реализации принципа личной выгоды любой ценой. Социальная консолидированность нивелируется. Автономия индивида ставится выше моральных обязательств и социальных скрепов. Исчезает чувство ответственности не только за другого, но и за себя. Отношения приобретают поверхностный, недолговечный и прерывный характер. *Индивидуализация – не триумфальное освобождение от коллективистских атавизмов прошлого, а вовлечение в темноту зачастую неоправданно повышенного самолюбия. Это размен «Мы-идентичности» на «Я-идентичность».* Индивидуализм как таковой целесообразно именовать не свободой, а социальной бездомностью человека, отрывом его от полноценных общественных отношений.

Потребитель обычно принципиально аполитичен. Человек в обществе индивидов принимает интраполитические решения, т.е. решения, касающиеся его личной жизни и управления собой ради самоустроения в существующих условиях, и [сознательно или бессознательно] отказывается от членства в объединяющем людей политическом

¹ Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 25.

² Цит. по: Вальевич Е.С. Феномен массы в переходный период общественного развития (в печати).

целом, которое принимало бы общеполитические решения. *Сегодня одной из главных проблем выступает не фрагментированность политических предпочтений и трудность политически активных людей договориться друг с другом о программе наиболее приемлемого политического будущего, а спад протестной активности как таковой и утрата идеологических и политических установок.* Потребкульт, учитывая его аполитичность и центрированность на личном, не приемлет соответствующие установки в качестве важных элементов сознания. Он упрочивает дефицитарность социального субъекта политической жизни и политических преобразований.

Индивидуализм, деконсолидированность и мещанство как проявляющиеся на общественно-культурном поле тенденции связаны с убеждением в тщетности попыток коллективных действий, с разубежденностью в возможности оказывать совместное влияние на важные политические решения, с неспособностью увидеть связь между коллективной активностью и серьезными изменениями в экономике и политике, в общем, с фатализмом, переводящем внимание с коллективистских акцентов на индивидуалистические и вытесняющим из сознания само существование глобальных проблем и архиважных решений. Повергшие себя в фатализм люди не смогут консолидироваться против чего-то или за что-то, поскольку коллективное действие как проявление волевой решительности предполагает в качестве своей основы определенное выраженное в идеологии стремление, очищенное от сомнений разума, а когда стремления нет, действию вырасти не из чего. Если они принимают невозможность влиять на определяющие их жизнь события за истину, она становится истиной.

Людей уже не интересуют глобальные проекты, ставящие перед собой в качестве цели не столько избавление от насущных проблем, сколько построение абстрактного общества будущего в долгосрочной временной перспективе. Для реализации такого проекта необходимо коллективное действие, которое отсутствует не только потому, что люди потеряли веру в коллективизм, но и потому, что они потеряли веру в проекты. Социальное проектирование сменилось приземленным индивидуальным прагматизмом. Человеческая жизнь утратила связь с тем, что превосходит индивидуальное, вещное и повседневное. Происходит закат метанарраций, ставящих акцент на героике и великих целях.

Наблюдается расцвет микронарраций – принципиально де-героизированных, де-глобальных, локализованных в личной сфере. На авансцену выходит феномен социального безразличия ко всему, кроме собственного благосостояния.

Консолидация на основе общих интересов и проблем не представляется методом реализации собственных (индивидуальных) интересов, а, скорее наоборот, видится как условие ограничения персональной свободы и пустая потеря личного времени. Особенно такое видение утверждается, когда люди смотрят на богатые образцы (среди которых бывают их близкие) и понимают, что успешные потребители достигли социально-экономических высот благодаря личной предприимчивости, а не коммунизму. Потребителям не свойственно верить в лучшую социальную жизнь, отсутствие которой не сопрягается у них с эсхатологическими и дискомфортными состояниями. Они не верят в ее приход не только потому, что считают бесполезным прикладывать усилия для ее устройства, сколько потому, что *лучшая социальная жизнь сама по себе не является для них ценностью, в отличие от лучшей индивидуальной жизни. Культура потребления таит в себе призыв к индивидуальной активности, но к социальному бездействию.*

Понятия социальной борьбы, предотвращения общественных угроз, патриотизма, социального целеполагания и всеобщего объединения не просто утратили серьезность в глазах людей, а стали подвергаться остракизму. Идею общих интересов и восстановления социальной справедливости замещает индивидуализация и тенденция, выраженная в попытке не коллективного, а индивидуального, атомарного и бесконфликтного проникновения, буквально просачивания в эшелон более высокого класса, в элитарную прослойку. Все меньше принимаются всерьез обещания политических лидеров и активистов общественных движений, ибо горький опыт научил неверию политике. Люди обычно объединяются с политическими деятелями не благодаря своей вере в их лозунги и проекты, а благодаря стремлению найти влиятельную поддержку для решения своих индивидуальных проблем. Поэтому объединяться предпочитают с сильными политическими акторами. *Если раньше неконформизм протестовал против доминирования общественного над частным, против государственно санкционированного давления на личность, то сейчас его функцией должно быть*

не только сопротивление давлению на личность сильных экономических и политических акторов, но и гегемонизму частного, индивидуального и обывательского над общественным.

Для психики потребителя более комфортен примерно следующий (конечно, условно сформулированный) принцип: если «мы» не можем влиять на серьезность происходящего, если каждый из нас не защищен общим «Мы», то проще отказаться как от понятия «мы» и лежащей в его основе солидарности, так и от осознания серьезности происходящих в стране или в мире тенденций; вместо «мы» и глобальных процессов есть «я» и мои личные интересы. Таким образом, происходит вытеснение общественного из реальности. Сознание становится не реалистическим, а аутистическим, проявляющим эскапизм по отношению к угрожающим сообщениям (вытесняющим их) и предпочитающим скрываться под панцирем индивидуализма, под щитом гаджетомышления и гаджетоцентрированности.

Общественное и индивидуальное удаляются друг от друга так, что индивидуальное остается наличествовать в повседневном бытии, а общественное уходит в некую недостижимую область, отдаленность которой обесценивает попытки дотянуться до нее и, соответственно, нивелирует смысл и полезность этой области для реальной жизни с ее прагматизмом. В результате любые призывы к общественным действиям типа отстаивания своих прав вызывают скептическую улыбку и становятся похожими на глас вопиющего в пустыне. Культура потребления тривиализирует и дегероизирует человеческую жизнь. Сплочение происходит на уровне небольших родственных общностей, в то время как идентификация с большими общностями нестабильна, а политические идентичности вообще отторгаются на периферию потребительского интереса; происходит отход от «гражданских бурь».

Люди, наполненные апатией и равнодушием к социальным проблемам, и, напротив, сверхчутким вниманием к личным проблемам, не могут создавать здоровое общество, готовое к каким-либо инновационным прорывам. Они в своем малодушии и неведении отпускают от себя бытие, дистанцируясь от него, теряют всякую возможность влиять на его ход, позволяют бытию ускользать от их влияния, предпочитают бытию быт, микромир индивидуализма. Присутствие в мире размывается на присутствие в микромире.

Пока народ, погруженный в свои идеалистические мечтания и потребительскую суету, предпочитает воздерживаться от общественно-политической активности, у политических элит есть возможность пользоваться его пассивностью в своих интересах. Буквально пригвозжденные к своей рубашке, дому, кошельку, эмигрировавшие глубоко в частную жизнь, капитулировавшие в дискурсивную практику потребительских удовольствий, консьюмеры не позволяют себе проявления заботы о более глобальных и масштабных вещах. Они не умеют соизмерять собственные ценности с необходимыми аспектами сосуществования с природой и обществом. Погруженные в меркантилизм аутореферентности (замкнутость на себе), увлеченные собственной карьерой, плотскими развлечениями, техническими гаджетами, взаимоотношениями с друзьями, шопингом, они продолжают разводить в стороны понятия «личное» и «политическое», совершенно не задумываясь о том, что эти явления взаимосвязаны. В желании обеспечить себе индивидуальную стабильность путем непротivления злу, обывательские массы проявляют политическую индифферентность и, кидаясь в поисках убежища на остров внутреннего изгнания, впадают в самый настоящий солипсизм. Находясь в болоте примитивного обывательского счастья, они наивно полагают, что так оно и должно быть. Отдавая право какому-нибудь высокостоящему господину самолично наводить порядок в стране и освобождая этого господина от общественного контроля (путем невмешательства в политические дела), консьюмтариат отдает ему не только свои надежды и право на контроль за правительством, но и право на волюнтаризм, сопряженный с антинародными решениями. *Общество становится гражданским только тогда, когда составляющие его люди коллективно отстаивают свои гражданские права.* Потребительский индивидуализм является барьером для широкого распространения социально ориентированных качеств, вкуче составляющих концепт «гражданственность».

Угрозы, воспринимаемые как барьеры для реализации личных интересов, периодически мотивируют людей на индивидуальные действия, а угрозы социальные обычно не сопряжены с мотивацией к активности. Уместно предположить, что потребительские заботы представляют собой некую форму компенсации за отсутствие властных полномочий и за властное угнетение. Они не приносят свободы в системе властных отношений, но

создают удовлетворяющий симулякр свободы и автономии в системе частного выбора продуктов, гаджетов, мест отдыха и т.д. Естественно, потребитель благодаря функционирующей психологической защите склонен рассматривать этот симулякр не как симулякр, а как истинную свободу действий.

Индивидуализм следует понимать не как проявление независимости и самодетерминированности, а скорее как проявление эгоизма и меркантильности в соответствии с изоляционистским принципом «моя хата с краю». Человек есть микрокосм не в качестве индивида, а в качестве субъекта. Индивидуализм – производное от индивида как сугубо биологического существа, не проявляющего субъектных и гражданских качеств. Именно индивидуализм, а не субъективизм как проявление осознанной самодетерминации и гражданской позиции, является основой потребительства, которое разрушает нормальные человеческие связи, солидарные проявления гражданственности и разделяет людей на «неделимые атомы», проявляющие друг к другу в основном экономический интерес.

Из коммунистического дискурса исходит идея, что частная собственность отдаляет людей, так как осознание своей собственности сопряжено с осознанием её не-принадлежности кому-то другому. Эта мысль особо актуальна для изучения именно потребительского общества, где связь человека с вещами приобрела черты сакральности, а связь с другими людьми понизила свое значение; здесь имеется в виду солидарная связь с другими, а не та, которая, выступая инструментальной ценностью, позволяет воплощать в реальность эгоистические интересы одного человека за счет интересов другого. Сакрализация владения вещами обострила отказ другим в доступе к этим вещам, а вместе с тем и ослабила связующую людей нить. Конечно, на основе этой мысли было бы по меньшей мере неразумно призывать к отказу от частной собственности, от которой отказаться в полной мере невозможно, ибо человек по природе своей – существо как социальное, так и индивидуальное, и ему свойственно свои потребности ставить выше потребностей другого. Однако, не впадая в крайности, следует заметить необходимость отказа не от частного, а от его сакрализации, от его абсолютизации, происходящей в ущерб ценности коллективного.

Не разделяя всех положений статьи А.Г. Глинчиковой, отметим свое согласие со следующим. В современном обществе частные интересы и част-

ная собственность стали некими кумирами, почти единственными ценностями, и потому они не защищены... от других частных интересов. Когда частный интерес человека выступает единственной ценностью, и когда каждый руководствуется только им, человек его не ограничивает при столкновении его интереса с интересом соседа. Частный интерес не защищен не потому, что он не является ценностью, а, наоборот, потому, что разрушены ценности, способные внутренне ограничивать частный интерес одного «перед носом» другого. Ценность общественного интереса, признающая частный интерес другого человека и ограничивающая эгоизм, стала маргинальной³. Хоть полностью отказаться от частного интереса не представляется возможным, все-таки частное должно соседствовать с общественным; общественный интерес как ценность каждого – залог существования и развития любого социума. С возникновением «переизбытка частного» произошла тотальная нормализация эго-волонтаризма и социал-дарвинизма, борьбы всех против всех.

В обществе, в котором укоренены ценности плеонексии (с греч. «pleo» больше и «echei» иметь), стяжательства, эгоизма, алчности, личной выгоды (в том числе за счет других людей), индивидуализма и обладания мало кто хочет жить согласно ценностям солидарности.

Во-первых, в таком окружении становится крайне проблематично выжить и чего-то добиться с помощью социально утверждающих ценностей. Во-вторых, «общественник» представляется другим в качестве аутсайдера, маргинала, каковым быть почти никто не желает, то есть по-настоящему человеческие общественно созидательные ценностные ориентации получают статус пороков, достойных осмеяния. Для избегания риска стать отверженным каждый приспособляется к большинству и тем самым множит потребительские стратегемы. Парадокс заключается в том, что *при господстве индивидуализма каждый такой приспособленец к большинству антагонистичен этому большинству и себе подобным.*

Связанная с индивидуализмом атомизация, помимо прочего, способствует росту преступности. В постмодернистском мире утрачивается приоритет здоровой нравственности, расшатываются

³ Глинчикова А.Г. Частная собственность и общественный интерес – дилемма России // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 3-11.

критерии отделения зла от добра, становится дозволенным все – особенно то, что ранее табуировалось. Возникает вопрос: «а судьи кто?». Никому не призвано судить, потому всем под риторику о пришедшем времени изживания устаревшей, архаичной и недемократичной нравственности дозволяется почти все. Возникает господство селф-мэйдменовской (от англ. self made – сделай сам) морали⁴, опирающейся на эгоистически-индивидуалистический волюнтаризм, поверхностность отношений с другими, прагматизм и т.д. Потребительские ценности необоснованно позиционируются как современные и прогрессивные, с ними связывают демократичность, качество жизни, права и свободы человека. Господство консьюмеризма ошибочно представляется победой демократии, освобождением духа от диктата атавистической консервативности, от моноидеологизма, хотя сама по себе тенденция распространения потребкульты напоминает иную форму моноидеологизма. Сама культура становится на рельсы не-различения добра и зла, когда внезапно «оказывается», что потеряли актуальность глубинные измерения человеческого существования, и сам человек исчезает, как «лицо, начертанное на прибрежном песке»⁵; что каждый должен руководствоваться только личной сиюминутной пользой, индивидуальной выгодой и наслаждением; что растворение в повседневности важнее любых деятельностных проявлений социальной ответственности; что посвящать свою жизнь целесообразно только своей жизни, а не какой-либо идее; что принципиальность и нравственность рудиментарны.

Консьюмеризм, декларирующий гедонистически-индивидуалистические установки, согласно которым жить надо в кайф и жить для себя, а не для семьи или детей, особенным образом влияет на семейные ценности. И даже в странах с высоким уровнем дохода населения, но в которых господствуют потребительские ценности, наблюдается демографический спад, поскольку потребительская культура делает своё дело, в том числе там, где у людей есть материальная возможность обеспечивать детей. Недаром отмечается, что по социально-демографическим характеристикам транжеры-шопперы, вкладывающие огромные деньги

в брендовый символизм, – обычно неженатые/незамужние молодые люди или молодые семейные пары без детей⁶. Малодетность не обязательно связана с повышенной смертностью или с низким уровнем благосостояния. Поэтому стоит отчасти согласиться с утверждением А. Никонова о том, что если в прежние века регулятором рождаемости были эпидемии чумы и других болезней, то сегодня этим регулятором выступает приобретенный за счет развития техники и технологий комфорт, который декларирует жизнь для себя, а не для своих детей. Ранее зрелость и самостоятельность наступала годам к 16-ти, а сегодня она и в 30 может не наступить. Это объясняется не только потребительскими тенденциями, но и спецификой информационной цивилизации, в которой от каждого специалиста требуется постоянно обновлять свои знания для того, чтобы идти параллельно развитию технологий; постоянно обучаясь, он испытывает дефицит времени на семью и многое другое. Так что закономерна демографическая стабилизация, выраженная в нулевом приросте, именно для развитых стран, наполненных комфортом⁷. Не согласимся только в положительной оценке данных тенденций, высказываемой Никоновым.

Ячейкой общества всегда являлась семья, но теперь, с постепенной утратой социальности, ее легитимность ставится под сомнение, несмотря на то, что лишь семья способна быть общественной ячейкой; один человек, в отличие от семьи, не может продолжать род, а потому необходим социальный скреп в виде семьи. К тому же семья – это особый социальный мир, позволяющий скрыться от проблем повседневности, решить их всеобщими усилиями членов семьи, мир заботы, уюта, человеческого тепла и любви. Однако индивидуализм диктует правило, согласно которому ячейка общества – индивид.

Общество разделяется на множество точек и пространственных единиц и тем самым перестает быть антропной вселенной, теряет свою пространственность, выраженную в совместности бытия. При доведенном до состояния рассыпающегося песка обществе не остается места для социальных конструкций. Такой риск характерен

⁴ Термин взят из: Малахов В.А. Философия и время: вектор сопротивления // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 49-59.

⁵ Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Аcaд, 1994. 408 с. С. 404.

⁶ Гурова О.Ю. Шопинг, одежда и типология потребителей в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV. № 5(58). С. 129-141.

⁷ Никонов А.П. Апгрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М.: Изд-во НЦ ЭНАС, 2005. 352 с.

для гипер(пост)капиталистического потребительского общества, общества без тормозов, где нравственность как социальный фундамент сменился утилитарной и прагматичной логикой. Процесс социального измельчания, индивидуализации и деконсолидации влечёт за собой утрату коллективных памяти, воли и разума, в свою очередь, влияющую на различные системы социальной жизни. Происходит тотальная социальная фрагментаризация. В обществе, где данные процессы усилятся до максимально возможного состояния, будет невозможна даже гражданская война, поскольку само общество превратится в перманентную гражданскую войну, в ее новый тип.

В потребительском обществе «своих» нет. Там есть борьба за выживание всех против всех, способствующая дальнейшей дегуманизации социума. Большому распавшемуся на индивидуализированные части обществу свойственно вести борьбу с самим собой. Залогом социального единства людей выступает духовная жизнь общества, наличие именно общественных моральных ценностей. Когда их нет, возникает неморальное единство. Конечно, основанные на взаимопомощи процессы интеграции тоже происходят, но их количество и качество снижается в индивидуализированном обществе потребления. Помимо них, вследствие морального спада, идут также процессы криминальной интеграции. Чувства солидарности и товарищества представляются неадекватными современности и рудиментарными, а на их место возводится принцип индивидуализма. Товарищество было системой связей, характерной для СССР и пронизывающей общество в целом. Сейчас оно ушло с социально-культурной сцены. Остались бесконечно дробящиеся меньшинства, но нет единого в своей истории и судьбе народа.

В таком обществе разрушается основа общественного сохранения, а социальный опыт сменяется энтропией. Любые проблемы мира, в том числе и экологическая, вызывают у прагматика-гедониста вопрос «Что я от этого получу?», который демонстрирует верх меркантилизма и безответственности и глухоту ко всему, что выходит за рамки индивидуальных потребностей. Вместо общечеловеческих ценностей наблюдается наступательное воздействие социальной дезинтеграции, аномии и отхода от какой бы то ни было объединяющей национальной идеи, в результате чего утрачивает ценность патриотизм, чувство личной причастности к судьбе страны и ее народа.

Индивидуализм самоспасения не приводит к спасению других, а потому представляет собой тупиковый путь. В нем нет ничего, что работало бы на сплочение социума. Даже при росте населения существование общества может быть под угрозой, если оно охвачено потребительством; важность проблемы измеряется качественными, а не количественными показателями. Поэтому сам термин «общество потребления» весьма условен. Его имеет смысл назвать языковым казусом, фигурой речи, метафорой. Асоциальность и индивидуализм потребительства выступают объединяющими индивидов ценностями, но не скрепляющими их между собой. *Потребительское общество – это мир одинокого в своей индивидуальности консьюмера-солипсита. Потребительское общество – «общество», отрицающее свою социальную суть и возможность своего именно социального существования. Оно из-за деконсолидированности представляет собой кучу песка, совокупность индивидов как целое, которое меньше суммы своих частей, в то время как здоровое общество, объединенное национальной идеей, проектом и многочисленными социальными связями, является совокупностью, где целое больше суммы своих частей.*

Культура всегда старалась смягчить унижительную зависимость людей сугубо от материальных ценностей, и где эта зависимость укоренена, можно смело говорить о вопиющем недостатке культуры. Атомизация, людская разрозненность, укорененная в капиталистический принцип индивидуализма, является одним из фундаментальных признаков гибели культуры. Человек в таком обществе утрачивает способность чувствовать вину за то, что он причинил боль и страдание другому, поскольку атомизация и индивидуализация противоречит нормальному ощущению единства с другим человеком, не позволяют рефлексивно моделировать состояние другого. Согласно Ф. Ницше, европеец XIX столетия менее стыдливо относится к своим инстинктам; он без всякой горечи признается самому себе в своей безусловной естественности, т.е. своей неморальности, и находит силу вынести лицемерие этой истины⁸. Данная тенденция наблюдается и теперь, когда переоценка ценностей воздвигла на пьедестал

⁸ Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей. / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.

величия то, что порицается здоровой культурой, которой свойственны хороший вкус и здоровая мораль. Потребительская культура видит расточительность в тех, кто для расточительности недостаточно богат, в тех, кто на вершину добродетели ставит именно добродетель, то есть духовность и мораль, и расточительно им отдается, иногда даже посвящая свою жизнь не личным интересам, а общественным.

Как замечает С. Семенова, в современных джунглях индивидуализма, беспардонной борьбы за деньги и влияние, при культе беспредельного и беззапретного телесного наслаждения, при господстве духа самостного властвования и нигилистического гедонизма актуализируется фраза: «Человек человеку – сатана»⁹. При снижении возвышенного и огрублении норм человеческого общежития возникает дефицит человечности. Потребительский комфорт выступает соблазняющей целью, ради реализации которой нередко продается человеческое достоинство.

Во многих социологических исследованиях мы находим подтверждение тому, что для современной молодежи (и не только молодежи) наиболее значимыми личностными качествами являются утилитарно-прагматичные, среди которых нравственно-патриотическим не находится места (доброта, честность и сотрудничество не входят в список наиболее востребованных качеств); ценность самореализации сменяется ценностью демонстративного самоутверждения, а целевые установки сводятся к индивидуальному, а не общественному, благу¹⁰. Кроме того, молодежь в последнее время выделяет ценностно значимым такой концепт, как наличие связей с нужными людьми, что косвенно указывает на большую веру в коррупцию, чем в собственные личностные качества и профессионализм. Ориентация на «лёгкий» заработок сопрягается с нивелированием критериев профессионализма и социального долга. Если та или иная культура не принимает

в качестве ценности личностно-профессиональные особенности, она будет принимать иные ценности, которые, мягко говоря, не вписываются в рамки морали и закона.

Если принципы угрожают материальному достатку, они перестают быть личными принципами и становятся чем-то ненужным, рудиментарным. Беспринципность возводится на пьедестал жизненного принципа. Рынок культивирует выгоду любой ценой, поэтому понятие преданности находится за пределами рыночного мышления. Взрослые и дети в условиях рынка и рыночной инфраструктуры интериоризируют «шкалу ценностей», согласно которой все продается и все покупается, а если честь, совесть и преданность противоречат выгоде, о них предлагается забыть как о рудиментах прошлого и атрибутах неудачников.

Культура призвана ограничивать человека в реализации его страстей, даже если последние следует считать природными. Она дает ориентиры поведения и критерии отличия добра от зла, истины от лжи, высокого от низкого, благородного и подлого. Человек выбирает эти ориентиры, а не безусловно следует им по велению природы, так как власть культуры отлична от власти законов природы. Культура, требуя обуздания человеком страстей, влечений и поведенческого своеволия, становится условием реализации в человеке человеческого. Культура позволяет противоположным волям компромиссно сосуществовать. Она усиливает социальное в человеке. Она, как метко отмечает В.Н. Порус, даёт возможность людям уживаться, даже когда эта совместность находится вне бдительного надзора со стороны Левиафана с его законами и структурами охранения¹¹. Однако про культуру потребления едва ли следует говорить в таком ракурсе.

Взращенное в 90-е гг. потребительство, основанное на индивидуализме и вещизме, усугубило социально-культурный регресс. Изменение структуры ценностей и потребностей ведет к трансформации системы социальной жизни. Культивирование новых ценностей типа вещизма и мещанства привело к изменению культуры отношения к себе, людям, обществу и стране. Потребности и ценностные ориентации, корреспондирующие с культурой потребления, объявлялись нормальными, естественными и природно обу-

⁹ См.: Варава В.В. «Я всегда хочу невозможного...» // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 186-189.

¹⁰ См.: Быкова Д.Ю., Зотов В.В. Социокультурный подход к формированию молодежной политики инновационного общества // Вопросы культурологии. 2011. № 4. С. 68-73; Тихонова Н.Е. Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики в России. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 38-52; Хагуров Т.А. Учащаяся молодежь в кризисном обществе // Социс. 2010. № 11. С. 93-104.

¹¹ Порус В.Н. Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 19-33.

словленными. Противоречащие потребностям советские ценности стали представляться, соответственно, неестественными, ненормальными и антиприродными. Однако потребности – продукты не только природы, но и господствующего типа культуры. Инфраструктура потребностей обусловлена социокультурно. Какова культура общества, таковы и доминирующие в нем потребности, ценности и поведенческие практики. Животное хочет того, что ему необходимо, а человеку кажется необходимым то, что он хочет. Причём «хочет» – продукт не только естественный, но и социокультурный. «Нормальная» культура подавляет биологические потребности и желания индивидуалистического волюнтаризма, чем обеспечивает сохранение общества и человека. Если культура, наоборот, создает почву для их развития, она перестает быть культурой в полном смысле слова. Подмена главных культурных смыслов подменяет культуру в целом, выхолащивает из нее нравственность.

Культура потребления не нуждается в этических ценностях, превосходящих ее нравственную меру. Консюмеризм не способен непосредственно из себя производить необходимую высоту нравственного сознания. Именно консюмеризм не позволяет обществу достичь более высокого уровня духовности, облагородить социальную жизнь ценностями сотрудничества, взаимопомощи, ответственности, подвижничества и т.д. и обрести в них смыслообразующее ядро бытия. Потребкульт одаривает своих адептов фиктивными ценностями и вместе с тем отбирает духовность, осуществляет мягкое, почти незаметное и неощутимое, но эффективное морально-нравственное насилие. Недаром А.С. Запесоцкий современную культуру по отношению к советской характеризует как культуру деградации и упадка¹². Если традиционные культуры, как правило, осуществляли сплочение людей, то культура потребления актуализирует удовлетворение индивидуальных потребностей, что способствует эгоизации человека и разрушает бывшее межперсональное единство на разных уровнях – от семейных до профессиональных, от малых групп до больших.

Несостоятельно противопоставление социалистическо-коллективистского принципа «общество

выше личности» и капиталистическо-индивидуалистического «личность выше общества», так как личное благо призвано гармонизировать с общественным, и свобода личности должна быть связана ответственностью перед обществом. Общество диктует правила и нормы личности, предписывает правила взаимодействия, но и личности определяют вектор развития общества. Ценность бытия и сознания, личной свободы и неприкосновенности отдельного человека неоспорима, но им не позволительно перерождаться в игнорирование аналогичных ценностей других людей.

Свобода каждой личности ограничена свободой другой личности. Абсолютная свобода невозможна, поскольку человек – существо социальное, а полная свобода всех ведет к нормативно-поведенческому хаосу и волюнтаризму (в свою очередь, силой ограничивающему свободу других), который находится в антагонизме с личной безопасностью, с социальностью как таковой. Жизнь человека бессодержательна и нравственно пуста, если он свою волю наделяет главенствующим статусом и не предполагает ничего, что могло бы возвышаться над его волею.

Абсолютная свобода – это автономия от всего, в том числе от культуры, которая, ограничивая некоторые естественные желания и наклонности человека, противоречащие самой возможности социального сожительства, дает безопасность и богатейшую основу для совместности существования. Освобождение свободы привело бы к тотальной десоциализации, противоречащей потребностям человека как общественного существа, к одиночеству и вместе с тем к утрате личной безопасности. Полная свобода сделала бы невозможной совместную жизнь людей, так как исчезли бы социальные скрепы, а доведенная до абсолюта приватность человека превратилась бы в отсутствие приватности, поскольку каждый чувствовал бы свободу проникать в личную жизнь каждого.

Индивидуализм и основанная на нём либеральная идеология имеют заслуги борьбы против рабства и тоталитаризма за господство права и личной свободы. Но наблюдаемая сегодня экспансия индивидуализма, которая стала проявлением культурного мейнстрима, выливается в тиражирование и укоренение эгоизма. Массированная атака индивидуалистических ценностей создала не осознание людьми ценностей свободы и ответственности, личного достоинства и пр., а конституировала некое инверсивное понимание сво-

¹² Запесоцкий А.С. Трансформации культуры: производство смыслов и управление информационными потоками // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 166-171.

боды (без ответственности), десолидаризацию и усиление конфликтности, социал-дарвинизм и другие явления, свойственные культуре потребления. Однако человек, живущий в обществе, призван не только использовать свою жизнь исключительно для личного блага, но и своей деятельностью укреплять социальную систему, быть общественно полезным.

Современная борьба индивидуализма кардинально отлична от предыдущей как характером ее ведения, так и характером преследуемых ценностей. Борьба за гуманистические идеалы, совершаемая под флагом либерального индивидуализма, сегодня переросла из практики героических выступлений в сферу рекламной идеологизации и потребительской коммуникации (потеряла свой героизм), а объект борьбы с ценностями гуманизма сменился на ценности консьюмеризма. Тотальная индивидуализация равноценна социальному распаду. Хотя мы не разделяем симпатии Г. Ландау к европейской индивидуалистской культуре, приведем его слова: «...культивирование не прав и чувств целого, а прав и чувств его элементов (в частности, прав и чувств личности) совпадает с признанием той сверхнапряжённости, которая свойственна им как частям целого; совпадает с **задачей** сполна удовлетворить потребностям и в общем **итоге** – с распадом целого в результате **увеличения** внутренних противоречий и противодействий его частей»¹³.

Примечательно, что прошлые высокие идеалы при сильном акцентировании необходимости победы индивидуализма над коллективизмом с легкостью оборачиваются своими эрзацами. При победе индивидуализма он из цели превращается в проблему, поскольку далеко не всегда индивидуализм сводится к защите свободы личности от тоталитаризма и к достижению гуманистических идеалов. К тому же тоталитаризм вовсе необязательно выстраивается на прочных основах коллективизма; современность показывает возможность прикрытого гламурной мишурой тоталитаризма, фундированного именно индивидуализмом. Впадение в крайность индивидуализма или коллективизма рождает фантомы, которые изначально не предполагались в качестве целей.

Частное заинтересовано в своей безопасности, обеспечение которой требует (путем уста-

новления норм, правил и законов) некоторых ограничений частных свобод, противоречащих принципам совместного существования людей. А эти ограничения, в свою очередь, склонны вызывать неприязнь со стороны частных интересов. Ненависть к несвободе компенсируется страхом перед одиночеством и опасностью. Поэтому возникает непреодолимое противоречие между двумя кандидатами на роль высшего приоритета: прав и свобод личности, с одной стороны, и национальной (социальной) безопасности и общественного благополучия, с другой. По нашему мнению, эти ценности являются одинаково значимыми, а потому нельзя превозносить приоритетность одной за счет другой. Все-таки общее благо призвано не уничтожить личную свободу, а накладывать на нее разумные ограничения. Столкновение частных волей, свободы и необходимости, независимости и солидарности, личных устремлений и социальной целесообразности – антагонизм, априори неразрешимый, но необходимый, поскольку уклон в одну сторону уничтожает сам антагонизм, но цена такого уничтожения слишком высока для общества или для индивида. Таким же вечным антагонизмом выступает проблема выбора между типами культуры – гомогенным и гетерогенным. Гетерогенная культура присущим ей плюрализмом мнений относительно разных сторон жизни, разнообразием различных идеологем и авторитетов делит человечество на враждующие сообщества, разжигает взаимную вражду, но предоставляет человеку широкое поле для самореализации. Однако единообразие предпочтений, свойственное гомогенной культуре, не иницируя вражды и потому закладывая фундамент относительно мирной социальной жизни, тотализирует личность. *Все-таки здоровая самореализующаяся личность живет в двух мирах – мире вынужденной несвободы (социальных ограничений) и мире свободы самороявления.*

В идеальном плане как личная свобода, так коллективная безопасность и социальное взаимодействие должны реализовываться в примерно одинаковой форме, уравнивать друг друга, хотя борьба между ними и представляет собой игру с нулевой суммой, диктуемой принципом «или-или». *Обществу призвано быть объединённым единой социально центрированной целью, ибо разъединенный, атомизированный социум становится массой, лишенной общего вектора движения, а значит, социально-государственной*

¹³ Ландау Г. Антиномии органичности // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 117.

силы и социального развития. Но данная объединённость, фундированная на иерархии ценностей, отвечающей потребностям развития здорового общества, должна сосуществовать с правом и свободой отдельной личности, чтобы коллективизм не доходил до подчинения высокому среднему, личного общему, качественному количественному, а национальная идея не воплощалась в крайние формы этатизма и идеократии. Абсолютно неуместны вопросы типа: что первично – общество или человек, социальная норма или индивидуальная деятельность, общественная реальность или индивидуальная воля? Эти вопросы являются псевдовопросами, псевдопроблемами. Возможно, имеет смысл говорить о некоей новой редакции идеи Н.Г. Чернышевского о разумном эгоизме, соединяющей личное и общественное, личное право и долг перед социумом¹⁴.

Безличностный коллективизм (социоцентризм) и безколлективная личность (человекоцентризм) являются крайними точками, требующими своего преодоления в некоей срединной координате. Впадение в крайность первой даже ради построения совершенного общества унифицирует человеческую инаковость, приносит личность в жертву, ибо абсолютное обобществление личности делает ее рабом общества и государства, а фанатичная акцентация на второй атомизирует общество. Третирование личностной автономии, с одной стороны, и коллективного единства, с другой, суть крайности, альтернативой для которых является непротивопоставление личности обществу, представление гармонии взаимодействия Я-Другой, не принципиальной конфликтности, а диалогичности. Человеку надлежит сохранять уникальную субъектность и общесоциальную духовность, поскольку актуальны как личностные, так и надличностные ценности. В этом смысле теряет обоснованность жесткое противопоставление творчества, свободы, индивидуальной инициативы и самостоятельности, с одной стороны, и единства, солидарности, коллективности, с другой.

По замечанию Н.А. Бердяева, индивид соотносим с родом, а личность – с обществом¹⁵. Лич-

ности нет, если она эгоцентрична и отсутствует стоящее выше нее бытие (предполагающее надличностные ценности), к которому она должна восходить, и если личность служит всего лишь инструментом для реализации этих ценностей¹⁶. Только под надличностными ценностями мы, в отличие от Бердяева, понимаем не бога, а социальное благо. Надличностные ценности требуют от человека не жертвенного, доходящего до героичности, отказа от эгоизма, а деэгоизации, лишённой абсолютности. Они же делают из индивида личность. *За счёт отказа от эгоистической обособленности личность должна крепнуть, а не исчезать. Как человек существует для общества, так и общество существует для человека. В этом заключен принцип единства личного и социального.*

Сегодня необходим проект социального воспитания, основанный на объективной информатизации общества, отказе от манипуляций и тиражирования ценностей потребительской культуры. Не нужны характерные для СССР битые по воробьям свободы и инакомыслия из идеологических пушек, идеологические ограничения и стремление к мировоззренческому единообразию. Просто нужен кардинальный пересмотр дискурсов, исходящих от официальных СМИ, и создание культурно-воспитательного медийного тренда, воспитывающего гуманизм, нравственность, чувство солидарности и другие социально полезные ценности, не совместимые с культурами потребительства, насилия и индивидуализма. На путях рынка этого, как и других социально полезных потребностей, достигнуть невозможно. Значит, стоит отказаться от рынка, который сам не является социально полезной необходимостью, метаценностью, ради достижения которого все средства хороши. Спасение от «морального одичания» зависит от государственной политики, от тенденций в образовании, литературе, живописи, театре, музыке, кинематографе и многих других сфер жизни, которые должны обеспечивать не духовный регресс, а, напротив, прогресс и самореализацию каждого.

¹⁴ См.: Кантор В.К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 95-104.

¹⁵ Бердяев Н.А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). Париж: Современные записки, 1931. 318 с.

¹⁶ Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии). Париж: Умса-press, 1939. 222 с.

Список литературы:

1. Бердяев Н.А. О назначении человека (Опыт парадоксальной этики). Париж: Современные записки, 1931. 318 с.
2. Бердяев Н.А. О рабстве и свободе человека (опыт персоналистической философии). Париж: Ymca-press, 1939. 222 с.
3. Быкова Д.Ю., Зотов В.В. Социокультурный подход к формированию молодежной политики инновационного общества // Вопросы культурологии. 2011. № 4. С. 68-73.
4. Варава В.В. «Я всегда хочу невозможного...» // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 186-189.
5. Глинчикова А.Г. Частная собственность и общественный интерес-дилемма России // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 3-11.
6. Гурова О.Ю. Шопинг, одежда и типология потребителей в Санкт-Петербурге // Журнал социологии и социальной антропологии. 2011. Том XIV. № 5(58). С. 129-141.
7. Запесоцкий А.С. Трансформации культуры: производство смыслов и управление информационными потоками // Вопросы философии. 2011. № 5. С. 166-171.
8. Кантор В.К. Что значил разумный эгоизм Чернышевского в общинной стране? // Вопросы философии. 2014. № 3. С. 95-104.
9. Ландау Г. Антинормы органичности // Вопросы философии. 2011. № 3. С. 109-121.
10. Малахов В.А. Философия и время: вектор сопротивления // Вопросы философии. 2011. № 1. С. 49-59.
11. Марков Б.В. Образ человека в постантропологическую эпоху // Вопросы философии. 2011. № 2. С. 23-33.
12. Никонов А.П. Аппрейд обезьяны. Большая история маленькой сингулярности. М.: Изд-во ИЦ ЭНАС, 2005. 352 с.
13. Ницше Ф. Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная революция, 2005. 880 с.
14. Порус В.Н. Бытие и тоска: А.П. Чехов и А.П. Платонов // Вопросы философии. 2014. № 1. С. 19-33.
15. Тихонова Н.Е. Особенности «российских модернистов» и перспективы культурной динамики в России. Статья 1 // Общественные науки и современность. 2012. № 2. С. 38-52.
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. СПб.: Асад, 1994. 408 с.
17. Хагуров Т.А. Учащаяся молодежь в кризисном обществе // Социс. 2010. № 11. С. 93-104.
18. Фатенков А.Н. Индивидуализм: по ту сторону предубеждений // Философия и культура. 2013. № 2. С. 163-170. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.02.4).
19. Разин А.С., Белов А.В. Методологические основания классической концепции ответственности в современном социально-философском знании // Философия и культура. 2011. № 12. С. 65-70.
20. Буева Л.П. Массовые духовные процессы в работах Л. Дюмона // ВВ: Психология и психотехника. 2013. № 7. С. 77-134. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.7.10422. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10422.html).
21. Голенок Г.В. Индивидуализм как мифология // Психология и психотехника. 2010. № 1. С. 73-78.
22. Чуприна А.А. Философский контекст осмысления семьи как индикатора культурного развития общества // Философия и культура. 2013. № 5. С. 583-593. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.2).
23. Омельчук Р.К. Типы эгоизма как ситуации потери веры // Психология и психотехника. 2011. № 5. С. 6-16.

References (transliteration):

1. Berdyaev N.A. O naznachenii cheloveka (Opyt paradoksal'noi etiki). Parizh: Covremennye zapiski, 1931. 318 s.
2. Berdyaev N.A. O rabstve i svobode cheloveka (opyt personalisticheskoi filosofii). Parizh: Ymca-press, 1939. 222 s.
3. Bykova D.Yu., Zotov V.V. Sotsiokul'turnyi podkhod k formirovaniyu molodezhnoi politiki innovatsionnogo obshchestva // Voprosy kul'turologii. 2011. № 4. S. 68-73.
4. Varava V.V. «Ya vseгда khochu nevozmozhnogo...» // Voprosy filosofii. 2014. № 3. S. 186-189.
5. Glinchikova A.G. Chastnaya sobstvennost' i obshchestvennyi interes-dilemma Rossii // Voprosy filosofii. 2011. № 3. S. 3-11.
6. Gurova O.Yu. Shopping, odezhdа i tipologiya potrebitel'ei v Sankt-Peterburge // Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii. Tom XIV. № 5(58). S. 129-141.
7. Zapesotskii A.S. Transformatsii kul'tury: proizvodstvo smyslov i upravlenie informatsionnymi potokami // Voprosy filosofii. 2011. № 5. S. 166-171.
8. Kantor V.K. Chto znachil razumnyi egoizm Chernyshevskogo v obshchinnoi strane? // Voprosy filosofii. 2014. № 3. S. 95-104.
9. Landau G. Antinomii organichnosti // Voprosy filosofii. 2011. № 3. S. 109-121.
10. Malakhov V.A. Filosofiya i vremya: vektor soprotivleniya // Voprosy filosofii. 2011. № 1. S. 49-59.
11. Markov B.V. Obraz cheloveka v postantropologicheskuyu epokhu // Voprosy filosofii. 2011. № 2. S. 23-33.
12. Nikonov A.P. Apgreid obez'yany. Bol'shaya istoriya malen'koi singulyarnosti. M.: Izd-vo NTs ENAS, 2005. 352 s.
13. Nitsshe F. Volya k vlasti. Opyt pereotsenki vsekhs tsennoستي / Per. s nem. E. Gertsyk i dr. M.: Kul'turnaya revolyutsiya, 2005. 880 s.
14. Porus V.N. Bytie i toska: A.P. Chekhov i A.P. Platonov // Voprosy filosofii. 2014. № 1. S. 19-33.
15. Tikhonova N.E. Osobennosti «rossiiskikh modernistov» i perspektivy kul'turnoi dinamiki v Rossii. Stat'ya 1 // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2012. № 2. S. 38-52.

16. Fuko M. Slova i veshchi. Arkheologiya gumanitarnykh nauk. SPb.: Acad, 1994. 408 s.
17. Khagurov T.A. Uchashchayasya molodezh' v krizisnom obshchestve // Sotsis. 2010. № 11. S. 93-104.
18. Fatenkov A.N. Individualizm: po tu storonu predubezhdenii // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 2. S. 163-170. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.02.4).
19. Razin A.S., Belov A.V. Metodologicheskie osnovaniya klassicheskoi kontseptsii otvetstvennosti v sovremennom sotsial'no-filosofskom znanii // Filosofiya i kul'tura. 2011. № 12. S. 65-70.
20. Bueva L.P. Massovye dukhovnye protsessy v rabotakh L. Dyumona // NB: Psikhologiya i psikhotehnika. 2013. № 7. S. 77-134. (DOI: 10.7256/2306-0425.2013.7.10422. URL: http://www.e-notabene.ru/psp/article_10422.html).
21. Golenok G.V. Individualizm kak mifologiya // Psikhologiya i psikhotehnika. 2010. № 1. S. 73-78.
22. Chuprina A.A. Filosofskii kontekst osmysleniya sem'i kak indikatora kul'turnogo razvitiya obshchestva // Filosofiya i kul'tura. 2013. № 5. S. 583-593. (DOI: 10.7256/1999-2793.2013.05.2).
23. Omel'chuk R.K. Tipy egoizma kak situatsii poteri very // Psikhologiya i psikhotehnika. 2011. № 5. S. 6-16.